

нотонность», так и «безнадежный эротизм» его обвинений (с. 104).

Некоторые построения автора нуждались бы в дополнительных обоснованиях: так ли уж блестяще был Прокопий образован? Так ли обязательно ощущал себя греком? Настолько ли глух к классицизму императорский двор, чтобы отвергнуть работы историка из-за их фукидидова стиля? Наконец, лейтмотивом книги Бека является утверждение, что Прокопий на все смотрел сквозь призму интересов армии (с. 28, 67, 69—70, 117, 135, 157), — нам же представляется, что историк даже в гуще войны оставался сугубо штатским человеком и, хотя большинство его персонажей офицеры, местоимением «мы» он объединяет себя лишь с гражданскими сословиями.

Отметим две мельчайшие неточности книги. Прокопий стал советником Велисария не в 530 г. (с. 24), а в 526 г. Герман был не племянником Юстиниана (с. 63), а его кузеном¹.

Умная книга Бека, несмотря на внешнюю простоту, содержит в своем фундаменте массу научной информации из разных сфер: теологии (с. 112, 148—151), права (с. 59, 79, 100—101, 142—143, 147, 150), истории церкви (с. 97—98, 110—123). Однако сведения эти нигде не нарушают общего популярного тона книги — она воистину рассчитана как на специалистов, так и на самый широкий круг читателей (принцип, столь же часто прокламируемый в аннотациях к отечественным изданиям, сколь и редко в них выдерживаемый).

Годом раньше увидела свет еще одна монография о Прокопии, принадлежащая

перу известной английской исследовательницы Аверил Камерон². Бек не успел ею воспользоваться, не будем подробно на ней останавливаться и мы³. Обратим внимание лишь на одну главу — «Прокопий и Феодора» (с. 67—83). При несхожести, а подчас и полной противоположности выводов обоих авторов объединяет исходная позиция — резкое отмежевание от той лавины околонучных поделок, которыми, как можно понять, наводнен рынок в их странах. Ни Бек, ни Камерон не могут писать о Феодоре так, будто этой паралитературы не существует; оба они с некоторым даже вызовом противопоставляют себя читательскому ожиданию «клюквы». Другое дело, что дальше их пути расходятся: Камерон (в соответствии с общей концепцией книги) вообще отказывается видеть за описанием Прокопия какую бы то ни было реальность (с. 68, 73, 83) — все это для нее лишь риторика. Нелепо, говорит она, (с. 69) пытаться составить рецепт косметических снадобий Феодоры, если для самого Прокопия они не более, чем символ ее суетности. Камерон стремится почти совсем деперсонализировать Феодору и тем самым выбить почву из-под любых спекуляций. Бек, напротив, темпераментно доказывает, насколько реальная жизнь объемнее этих аляповатых картинок. При этом, как мы говорили вначале, немецкий ученый бьет врага его же оружием — он хочет простыми словами рассказать, сколь сложны те сюжеты, о которых читатель привык судить облегченно. Написанная с остроумием и блеском, его книга может быть признана несомненной удачей.

С. А. Иванов

Civico Istituto Colombiano: Studi e Testi. Serie Storica / A cura di Geo Pistarino. Genova, 1976—1986. Т. 1—10.

Серия трудов, издаваемая Институтом Колумба в Генуе под общей редакцией профессора Генуэзского университета Джео Пистарино, — неординарная публикация¹. В ней собраны научные исследования и источники, освещающие предпосылки и историю Великих географических открытий. Естественно, что большое место уделено торгово-предпринимательской деятельности итальянских морских республик, проблемам генуэзской колонизации. Ниже мы останавливаемся

на тех трудах, которые имеют непосредственное отношение к истории Византии, Латинской Романии и Крыма.

Программное значение для серии имеет статья Дж. Пистарино «История Средиземноморья — проблемы и перспективы» (5. Р. 7—22). Автор призывает к решительному отказу от европоцентризма, от рассмотрения этой истории только в свете конфликтов христианства и ислама, крестовых походов и т. п. По его мнению, надо искать более глубокие

¹ Martindale I. Prosopography of the Later Roman Empire. L., 1980. P. 505.

² Cameron Av. Procopius and the Sixth Century. Berkeley; Los Angeles, 1985.

³ Нашу рецензию см.: BSL. 1988. Vol. 49.

¹ 1) *Balletto L.* Genova Mediterraneo Mar Nero (sec. XIII—XV). — Genova, 1976. 294 P. (нашу рецензию на эту книгу см.: BB // 1980. Т. 41. С. 298—300); 2) *Saggi e documenti.* Genova, 1978. I. 566 P.; 3. 1) *Saggi e documenti.* Genova, 1982. II, tomo 1. 306 p.; 3. 2) *Saggi e documenti.* Genova, 1981. II. Tomo 2. 541 P.; 4) *Saggi e documenti.* Genova, 1983. III. 558 P.; 5) *Saggi e documenti.* Genova, 1983. IV. 274 P.; 6) *Calvini N.* Nuovo Glossario Medievale Ligure. Genova, 1984. 418 P.; 7) *Saggi e documenti.* Genova 1985. V: *Storici Sovietici del Levante Genovese / A cura di A. Prefumo.* 276 P. (см. рецензию Е. Тодоровой: ВИ // 1987. № 6. С. 141—143); 8) *Saggi e documenti.* Genova 1985. VI. 484 P.; 9.1) *Saggi e documenti.* Genova, 1986. VII. Tomo 1. 164 P.; 9.2) *Saggi e documenti.* Genova, 1986. VII. Tomo 2. 362 P.; 10) *Pistarino G.* Notai Genovesi in Oltremare: Atti rogati a Tunisi da Pietro Battifoglio (1288—1289). Genova, 1986. 242 P. При цитировании ниже в скобках в тексте мы указываем порядковый номер томов серии.

исторические взаимосвязи между западно-европейскими, греческими, славянскими, арабскими государствами, расположенными на берегах Средиземного моря и образующими некое единство. История Средиземноморья чаще всего дробилась по отдельным секторам при отсутствии общего взгляда на его развитие Дж. Пистарино предлагает перейти к комплексному изучению истории всего региона, от Гибралтара до Азовского и Черного морей, усилиями ученых разных стран, владеющих разноязычными источниками. И надо отметить, что ученые Института медиевистики Генуэзского университета, возглавляемого Пистарино, много сделали, со своей стороны, по публикации и интерпретации генуэзских источников.

Г. Айральди (2. Р. 51—58) делает попытку теоретического рассмотрения итальянской колонизации в связи с развитием городской культуры. В центре ее внимания находятся два основных типа колонизации: венецианский и генуэзский. Проследивая этапы формирования фактории, Айральди отмечает, что уже с момента ее создания в эмбрионе начинает пульсировать городская жизнь, которую купцы привносят с собой, воспроизводя институты метрополии. Однако для венецианской колониальной практики критерий «городской цивилизации», по мнению автора, в меньшей степени приложимы, чем для генуэзской, Венецианцы создают колониальную империю для аристократии, основывают военно-переселенческие колонии (например, на Крите), проводят сегрегацию венецианцев и местного населения, понижая социальный статус последнего, монополизируют торговлю основными товарами, оставляя подчас византийскую административную и фискальную систему в своих владениях.

Генуэзский вариант колонизации отличаются дробность и вариативность; она — продукт индивидуальных и групповых усилий. Вмешательство государства чаще всего сводится лишь к оформлению того, что уже создано частной инициативой. И в Каффе, и в Ликостомо, и в других факториях есть как институты, аналогичные тем, что существуют в метрополии, так и новые, отличные от них, порожденные контактами с новой реальностью.

Если венецианская колониальная парадигма повторяется в разных местах, то генуэзские фактории варьируются каждый раз в зависимости от местных условий. Городская культура Генуи воссоздается каждый раз по-своему, с особыми функциями и особой душой. Вероятно, в этой картине двух типов колонизации противопоставление венецианского универсализма и генуэзского партикуляризма в принципе верно. Но оно далеко не безусловно. И в венецианской, и в генуэзской колониальной практике происходит переход от сегрегации местного населения к сотрудничеству с его верхушкой. На смену этнической стратификации общества приходит стратификация по имущественному и социальному признаку.

Регламентированность была свойствен-

на не только для венецианской торгово-предпринимательской деятельности, но и для генуэзской. Различие, пожалуй, лишь в рычагах: венецианцы использовали государство, административный аппарат, генуэзцы — судебную систему, залоги, материально ограничивающие возможность нарушений. Венецианская колонизация также отличалась разнообразием форм: вспомним, с одной стороны, прямые владения республики (Крит), с другой — владения венецианских патрициев на островах Эгеиды, с третьей — фактории на «чужой» территории (Тана, Трапезунд). Быть может, поверхностные различия иногда закрывают от нас глубинное единство экономических феноменов, общие цели и близкие результаты средневековой колонизации итальянских морских республик. В этой связи мы вряд ли бы стали утверждать, что венецианская «колониальная история» развивалась по «современным» критериям колонизации (р. 56).

В статье Э. Аштора изучается объем левантийской торговли Генуи во второй половине XIV в. (2. Р. 389—432). Автор анализирует фискальные источники — так называемый *Dricetus Alexandrie* 1367 г. и таможенный реестр 1376—1377 гг., фиксирующие торговую навигацию в Египет и Сирию. Аштор пересматривает тезис В. Гейда о расцвете генуэзской торговли с мусульманским Востоком в этот период и доказывает значительное сокращение ее объемов во второй половине XIV в. по сравнению с предыдущим периодом. Венецианская коммерция значительно превосходила генуэзскую на рынках Восточного Средиземноморья.

Генуэзская торговля XV в. между Западом и Востоком рассмотрена С. Оригоне (5. Р. 249—259). Исследовательница проследила тесную взаимосвязь двух ее направлений. Используя уникальный источник — регистрационный Судовой журнал навы купца Филиппо ди Нигроно 1445 г., Оригоне выделяет маршруты плавания корабля в Англию, Фландрию, Испанию, Тунис и на Хиос. Различные аспекты генуэзской торговой навигации во второй половине XV в. были рассмотрены также Дж. Бальбисом (2. Р. 531—561). Столкнувшись с кризисом восточных рынков, генуэзские предприниматели переориентируются на другие направления, а также стремятся интенсифицировать товарооборот. Его скорость зависела от многих обстоятельств: типа судов, количества пристаней, сроков стоянок, навигационных условий, комплектности экипажа, военно-политической ситуации и т. д. Так, например, сроки плавания на Хиос и обратно колебались от 1,5 до 11 месяцев (р. 544—547). Навигация носила сезонный характер, ее пик приходился на март—июль. Бальбис анализирует оклады генуэзских моряков и их покупательную способность. Однако сравнение сумм, выплаченных в 1482 г., со стоимостью серебра и ценами в 1456—1458 гг. не вполне корректно (см. р. 557). Кроме того, для измерения окладов недостаточно учитывать количество только зерна, масла и вина, которое можно было на них приобрести, так как важную роль

в рационе моряков играли и мясные продукты. На с. 540 допущены неточности в датах: Амастрида была взята османами не в 1461, а в 1459 г., а Трапезунд — не в 1462, а в 1461 г.

Действия генуэзских военных галер во время III Венецианско-генуэзской войны (1350—1355 гг.) рассмотрены в двух статьях. Дж. Бруццоне собрал и опубликовал данные об участии двух галер из Савоны в экспедиции флота Паганино Дориа на Восток в 1351—1352 гг. (4. Р. 153—230), а Дж. Дотсон — о плавании галеры Симоне Леккавелло из Генуи в Перу и на Хиос в 1351—1352 гг. Галера участвовала в знаменитой битве флота Паганино Дориа с венецианцами на Босфоре 13 февраля 1352 г. Однако общие потери экипажа от войны и болезней (12 % состава) сопоставимы с потерями от дезертирства (10 %). Проблема дисциплины уже в середине XIV в. была серьезной для генуэзских военных судов. Галера Леккавелло была послана, чтобы оповестить жителей Перы о выступлении арагонского короля Педро IV на стороне венецианцев. Это породило конфликт Генуи с Арагоном, освещенный в статье Б. Гари (8. Р. 283—306). Внешнеполитическим событиям более раннего времени посвящена также работа Дж. Олджати «Рамон Мунтанер и „Каталанская экспедиция на Восток“» (8. Р. 207—266). Интересная интерпретация данных «Хрсники» Мунтанера, содержащаяся в статье, обеднена тем, что автор не использовала некоторые работы о каталанцах и каталанской экспедиции византийцев А. Лайу, К. Сеттона и др.²

Прекрасная источниковая основа, культура источниковедческого анализа составляют главное достоинство рецензируемой серии. Фундаментальным изданием является публикация Дж. Пистарино актов генуэзского нотариуса Пьетро Баттифолло, составленных в Тунисе в 1288—1289 гг. (10). Акты — ценнейший источник по истории генуэзской колонизации Северной Африки, начавшейся еще в XII в. Тему продолжает работа Дж. Бальби Петти, издавшей с обстоятельным комментарием договор между Генуей и Тунисом 1343 г. (2. Р. 295—322). Примечательно, что налогообложение генуэзской торговли в Тунисе (10 или 5 % на импортируемые товары от их стоимости) гораздо выше норм обложения в Латинской Романии и Причерноморье (в основном 2—4 %), не говоря уже о беспоспешной торговле генуэзцев в Византии.

Обзор генуэзских документов по истории Кипра в XIII—XV вв. сделан Дж. Пистарино (8. Р. 337—376). Пребывание генуэзцев в Лаяццо, в Киликийской Армении, по данным нотариальных актов 1271—1279 гг., — тема исследования С. Велле (4. Р. 79—116). Велле показывает

широту процессов генуэзской колонизации, вовлекавших в торгово-предпринимательскую деятельность в Киликии не только лигурийцев, но и жителей многих других областей Италии, Прованса, Каталонии, Кипра. Справедливо отмечая ориентированность торговли фактории в Лаяццо в основном на Ближний Восток, С. Велле, возможно, несколько загущивает то обстоятельство, что расцвет торговли в Лаяццо был связан с образованием державы Ильханов и поддерживался в первую очередь связями с последней.

Генуэзский Хиос в период завоевания Византии османами всесторонне изучен С. Оригоне (3.1. Р. 124—224). Хиос занимал особое место в системе генуэзских владений, как узел, связывавший их колонии и фактории в Малой Азии, Эгейском и Черном морях. С ростом османской экспансии он превращается и в военный плацдарм Генуи у границ Турции. До блокады проливов османами ситуация была вполне благоприятной для торговли Хиоса (р. 127—138). После падения Константинополя она изменилась. Хотя международная торговля на острове продолжалась и он сохранил значение форпоста генуэзской коммерции на Востоке, деловая активность на острове все более ограничивается, растет задолженность купцов по контрактам, в том числе в связи с материальными потерями, вызванными османскими завоеваниями (р. 191—192). Усилился приток на Хиос населения из захваченных османами греческих территорий, нарастали тенденции этнической ассимиляции генуэзцев и греков, лингвистической унификации. Все больше греков становилось владельцами недвижимости. Нарастала сплоченность населения перед лицом османской угрозы (р. 197—199). Эти выводы, сделанные на основе изучения новых источников, часть из которых была одновременно опубликована А. Роккатальята³, не могут, однако, затенить ни эксплуататорского характера генуэзского предпринимательства на Хиосе, ни наступления там экономического кризиса после 1453 г.

Той же С. Оригоне принадлежит ценнейшая публикация материалов деятельности Продовольственной Оффиции Каффы в 1421—1453 гг. (4. Р. 229—318). Указанная оффиция заботилась о снабжении Каффы зерном и контролировала хлебную торговлю. 125 документов Продовольственной Оффиции показывают, что зерно резко подорожало с 1428 по 1438 г. Неравномерный рост цен продолжался и в последующий период. Оригоне демонстрирует, как для стабилизации положения Оффиция регламентировала, а временами и запрещала экспорт зерна из Каффы, организовывала закупку пшеницы и муки в разных областях Причерноморья, даже на Понте и в Пафла-

² См., например: *Laiou A. E. Constantinople and the Latins: the Foreign Policy of Andronicus II, 1282—1328.* Cambridge, 1972; *Lowe A. The Catalan Vengeance.* L.; Boston, 1972; *Setton K. M. Catalan Domination of Athens 1311—1388.* L., 1975.

³ *Roccatagliata A. Notai Genovesi in Oltremare. Atti rogati a Chio (1453—1454, 1470—1471).* Genova, 1982 (Collana Storica di Fonti e Studi diretta da Geo Pistarino. T.35).

гонии, куда оно чаще всего ввозилось. Документы показывают явный кризис торговли зерном во второй четверти XV в. В ряде документов упоминается *granum de rauga* (р. 262, 263, 307). Так как Rauga — город Бафра в Турции, а не тип зерна, правильнее его написание с прописной буквы. В регесте к документу № 30 (р. 261) имеется опечатка: речь идет не о 3, а о 3000 кантаров муки. В издании акта № 37 (р. 266—267) содержится кусок текста из акта № 36, не связанный с содержанием акта № 37 (это строки 21—33). Либо это погрешность в издании, либо особенности рукописи, которые в таком случае следовало бы объяснить.

Болгарский ученый В. Гюзелев издает перевод стихотворений армянского епископа Каффы Мартироса Кримици (1620—1683). Они были написаны по-армянски и по-турецки и описывают балканские города (3. Р. 269—304).

Ряд публикаций серии посвящен административной истории Генуи и Генуэзской Романии. Ф. Мартиньоне впервые воссоздает историю высшего органа Генуэзской республики — Большого Совета (5. Р. 87—142), А. Роккатальята — Оффиции по борьбе с пиратством (*Ufficio «pro robariis»*). — 9. 2. Р. 151—184). Истоки эмблематики Генуэзской республики исследуются Р. Павони (4. Р. 29—64). В частности, по его мнению, изображение в качестве эмблемы генуэзского креста появилось еще до Первого Крестового похода и было первоначально символом христианской милиции коммуны (Р. 62—63).

Рыбачий промысел в Генуе по данным статутос лигурийских городов был проанализирован Дж. Пистарино (4. Р. 117—152). Особый интерес в его статье представляет изучение терминологии и быта рыболовства. В таком же ракурсе написана и статья Л. Баллетто «Диета и гастрономия в генуэзском средневековье» (9. 2. Р. 7—76) и ее монография о врачах, фармацевтах и знахарях средневековой Генуи (8. Р. 7—172). Но если в указанных работах анализировались определенные группы терминов, то в «Новом средневековом лигурийском словаре», состав-

ленном Н. Кальвини, интерпретируется вся совокупность лексики латиноязычных генуэзских источников. (6). При подготовке издания Кальвини взял за основу прежний лигурийский глоссарий Дж. Росси (1896, 1909 г.г.). Однако он обогатил его новыми терминами, уточнил значения слов, существенно расширил источниковую базу. Правда, по-прежнему, словарь основан преимущественно на юридических текстах, главным образом статутах; в нем недостаточно учтен язык нотариальных актов, счетных книг. Не всегда использованы и имеющиеся словари к изданию отдельных источников⁴. Тем не менее в настоящее время Словарь Кальвини — незаменимый инструмент для исследователя лигурийских источников.

Издатели серии проявляют несомненный интерес к русской и советской историографии. В ней опубликованы статьи М. Волкова «Четыре года города Каффы (1453, 1454, 1455 и 1456)» — 3.1. Р. 225—268) и «О соперничестве Венеции с Генуей в XIV в.» — 5. Р. 143—182), первоначально изданные в «Записках Одесского общества истории и древностей» в 1872 и 1860 гг. Отдельный том, подготовленный А. Префумо, посвящен вкладу советских ученых в изучение истории генуэзского Леванта (7). В нем изданы в итальянском переводе статьи Е. Ч. Скржинской, Н. П. Соколова, М. К. Старокадомской, С. А. Секиринского, О. В. Волобуева, К. К. Когонашвили, А. М. Чипериса, Е. В. Даниловой, написанные в конце 40—60-х годов, а также очерк И. П. Медведева о творчестве Е. Ч. Скржинской.

Таким образом, рецензируемая серия трудов Института Колумба существенно обогащает историю Генуэзской Романии новыми изданиями источников, новыми подходами к их изучению. Кроме того, благодаря публикации трудов итальянских, советских, французских, испанских, болгарских, английских, аргентинских ученых она осуществляет важную миссию координации исследований, взаимного ознакомления научной общест-венности разных стран с достижениями мировой науки.

С. П. Карпов

Μαυρομμάτης Α. Οι Πρώτοι Παλαιολόγοι: προβλήματα πολιτικής πρακτικής και ιδεολογίας. 'Αθήνα: Σύλλογος πρὸς Διάδοσιν τῶν Ἑλληνικῶν Γραμμάτων, 1983. 152 Σ. 1 χάρτ., 1 πίν.

Проблемы политической мысли и идеологии Византии занимают важнейшее место в современных исторических тру-

дах. Наиболее значительный вклад в их изучение внесли Э. Арвейлер, И. Караяннопулос, А. Пертузи⁵. К числу иссле-

⁴ См., например: *Brătianu G. Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du XIIIe siècle*. Bucarest, 1927; *Liber Institutionem Cabellarum veterum* (Communis Janue) / A cura di D. Gioffré. Milano, 1967. P. 309—314.

⁵ *Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin*. P., 1975; *Karayannopoulos I. The Imperial Ideology in Byzantium* // *Neo-Hellenika*. 1981. N 4. P. 47—53; *Peruzzi A. Storia del pensiero politica* // *La civiltà bizantina dal IV al IX secolo: Aspetti e problemi*. Bari, 1977. P. 31—85; *Idem. Storia del pensiero politico* // *La civiltà bizantina dal IX all'XI secolo: Aspetti e problemi*. Bari, 1978. P. 35—87; *Idem. Storia del pensiero politico*. A // *La civiltà bizantina dal XII al XV secolo: Aspetti e problemi*. Roma, 1982. P. 25—62; *Idem. Il pensiero politico e sociale bizantino dalla fine del secolo VI al secolo XIII* // *Storia delle idee politiche, economiche e sociali* / Dir. da L. Firpo. Toronto, 1983. P. 667—816.